

Октавия
Колопилина

Медведица

Annotation

Грета выдала себя за брата, чтобы стать рыцарем. Обман раскрылся, её бросили в темницу, палач готовит колесо. Как избежать казни? Нужно провести отряд по туннелю, где бродят души язычников. И всё бы ничего, но отряд собран из отъявленных раздолбаев. Про поиски бога и про шлюх, про идеалы рыцарства и про сало под подушкой. Так кто же сильнее – закованные в броню братья Тевтонского ордена или призраки, из брони сделанные? Историю пишут победители. Поэтому мой рассказ основан не на вранье польских историков, а на подлинных легендах замка Мальборк.

Октавия Колотилина

Тевтонка

Глава 1. Темница

Комтур замка по хозчасти мурлыкал песенку и потирал руки. Такой узник ему ещё не попадался. Конрад толкнул чугунную дверь, петли взвизгнули. Надо прислать Вилли, чтобы смазал, но после, после. Из щели рванулся холод, пламя факела отпрянуло, чуть не погасло. Это наверху парит август 1410 года, а под громадой Мариенбурга пробирает сырость.

Охрана осталась за длинным коридором и воротами, чтобы никто не подслушал щекотливый разговор. Может, зря? Вдруг этот тип что-нибудь выкинет? Комтур погладил рукоять кинжала.

Со стены подвала смотрела Дева Мария, настолько непорочная и гневная, что хотелось пасть ниц и во всём признаться. Перед образом молилась босая девушка в холщовой рубахе. Чем она нацарапала рисунок? Ложкой, что ли? Вот же талантливая тварь.

Конрад согнулся перед притолокой, прикрыл за собой дверь. Откашлялся и обратился к заключённому:

– Генрих, ты как отличный литовский клинок: и себе не возьмёшь, потому что с поганым солнцем на рукояти, и выкинуть жалко. Ну отчего бы тебе не родиться мужчиной?

Девушка вскочила и развернулась молниеносным движением фехтовальщика. Глаза пронизывают – цвета озера перед грозой. Фигурка как из стали отлита, на ней словно не роба, а белый доспех. Осанка дворянина. Короткий кивок в знак приветствия, полная готовность к любому решению.

Конрад ещё раз потёр руки. Когда объявляешь приговор, лица так забавно вытягиваются: кто-то отклячивает губу, кто-то валится на колени. Ну что – подломится наш «железный Генрих»?

– Ты обманом проникла в Орден, – веско начал комтур. – Ты глумилась над священными словами клятвы, поганила её своим бабьим ртом. Я выбрал колесование. Будешь долго наслаждаться хрустом собственных костей перед тем, как сдохнуть.

Широкие скулы даже не дрогнули. Идеальная выправка, решительное спокойствие. Именно так должен встречать смерть брат Тевтонского ордена.

Конрад глянул на своё латное наплечье: по стали бежал узор из козлиных голов, скрученных кукишей и крестов – оберег в бою. Травление ртутью, мало кто из мастеров Толедо так умеет, а Генрих сделал... А, дьявол, он же не Генрих. Грета.

Этот человек четыре года скрывал свою суть. Ел вместе с братьями, спал в общей комнате, тренировался, участвовал в походах – и никто не догадался, что под рубашкой. Всё выяснилось только четыре дня назад, когда с него содрали одежду, чтобы высечь. Пятьсот ударов. Кнехт¹ стряхнул воду с палки, примерился, а там... Кое-чего не хватает.

Да, пятьсот ударов – слишком мягкое наказание за отлучку. Генрих пропадал две недели, так как же он пробрался обратно? Одной Пресвятой Деве это известно. Мариенбург с трёх сторон обложили враги, а с четвёртой защищает река. Мосты подняты, из-за стен летят ядра и льётся смола. Летучая мышь не пролетит, её собьют стрелой или топор кинут.

Но Генрих ведь оказался возле конюшен? Значит, преодолел укрепления Переднего замка со всеми защитниками – и никто его не заметил. Вот так Генрих! Грета, тьфу ты.

Больше тут оставаться не стоит: приговор объявлен, палач готовит колесо. Через час прикрутит бедолаге макушку к пяткам, возьмёт железный прут и примется дробить кости.

Ещё надо подобрать людей, Великий Магистр просил отправить письмо сегодня же.

Кого послать? Кто проберётся мимо поляков, кому можно поручить четыреста тысяч дукатов?

Сложно, сложно без верного помощника. Казнить его – словно правую руку отсечь.

Да, мой преданный, умный, стойкий Мастер по доспеху. Кто сумел найти старый план замка, отыскать слуховые окна и тайные ходы? Генрих. Кто притащил свиток с делишками всей верхушки Ордена, вплоть до Магистра? Опять же Генрих. У великого комтура в Масляной башне живёт подружка, секретарь балуется алхимией, а казначей запирает свои покои и трескает сало в пост.

О, теперь у Конрада есть ключи от любых дверей, стать главным в Мариенбурге не составит труда. И всё благодаря одному толковому парню... То есть не парню.

Конечно, Грету следует сжечь за обман. Но иногда попадается вещь настолько совершенная, что рука просто не поднимается бросить её в печь. Возможно, именно этот человек смог бы исполнить поручение Великого Магистра...

Не будь он женщиной. Которую сегодня колесуют.

– Скажи мне, Грета, где ты всё-таки была две недели?

– Я не хочу врать вам, мой комтур. А правде вы не поверите.

Сосредоточенное точёное лицо, широкие скулы. Пожалуй, как девушка она даже красива. Конрад прошёлся взад-вперёд, остановился и поглядел в серые глаза.

– Один кнехт видел, как ты падала со стены с арбалетным болтом в спине. Мы считали тебя погибшей. Каким образом тебе удалось выжить? И почему тебя потом нашли у конюшен невредимой, с целым доспехом?

Грета молчала.

– Поговаривают, ты знаешь тайные ходы под стенами. Это так?

Грета молчала.

– Хочешь, чтобы я тебя пытал? Хм, это моё любимое занятие. Могу растянуть на неделю, ты всё видела. Правда, держать лампу теперь некому, из братьев ни один больше получаса не выстаивает. Святая Мария, когда тебя казнят, кто мне будет держать лампу?!

Грета молчала.

– Ладно, – сдался Конрад, – расскажи, зачем ты пришла в Орден: смущать братьев, попирать Устав, издеваться над законами, данными Господом?

– Нет. – Грета нахмурилась. Скулы стали резче от гнева, пламя факела не просто отражалось в зрачках – оно готово было полыхнуть и сжечь дотла даже сырые кирпичи.

Наконец хоть какая-то эмоция! А то кажется, будто эта девушка сделана из гранита.

– Я должна была. Чудо, из-за него всё.

– Какое чудо?

– Отец всегда мечтал, – начала она звонко, – чтобы его сын вступил в Тевтонский орден. Как только родился мой старший брат, Генрих, семья начала собирать рекомендательные письма, выправлять бумаги о родословной. Рыцарем Ордена не может стать дворянин, не имеющий четырёх знатных колен. У нас – больше восьми.

Бум! От мощного удара с потолка посыпался песок. Даже здесь, в подземелье, грохотали ядра – поляки снова обстреливали осаждённый замок из пушек. Хоть пороховой вони не слышно, и то хорошо.

– Брата учили обращаться с копьём и мечом, – продолжала Грета, косясь на покатые своды. – Я пряталась, смотрела, потом повторяла с палками. Отец заставил нас наизусть выучить Писание и труды блаженных старцев. Но Генрих, беспутная скотина, сбежал в ночь,

когда ему исполнилось четырнадцать. Всё из-за обетов целомудрия и послушания, которые ему пришлось бы давать при вступлении в Орден. Говорят, связался с какой-то блудницей. Отец заболел. В бреду он признался, что обещал Деве Марии отправить своего отпрыска на служение ей, в благодарность за спасение.

– Спасение?

– Да. Отец лежал на турнирном поле, на песке, и кровь заливала глаза. Он помолился Пресвятой, и вдруг явилось чудо: тучи разошлись, заструился свет. Поверженный вскочил и проткнул противника мечом. Я долго убеждала отца, что Деве Марии не важен пол того, кто будет служить ей. Потом поехала в Пруссию вместо брата, с его бумагами.

– Сколько лет тебе было?

– Тогда ещё не исполнилось двенадцати. Но клятву² я давала с чистым сердцем: пять ответов «да», пять «нет». Ни в чём я не наврала перед алтарём и перед Богом невиновна!

Взгляд Греты пылал истовым огнём верующего. Слуга Креста, достойный ионитов³! Правда, не того пола. Но, может, у неё и получится.

Бум! Бум! Удары слышались совсем близко. Как бы не завалило.

– Вот что... – Комтур встал перед пленницей. – В соседней камере – пятеро кнехтов, которые тебя секли. Они не выйдут отсюда, и никто не узнает о нашем позоре, если ты сделаешь одну вещь.

Он взял девушку за подбородок, повернул лицо вправо, влево. Было бы забавно выбить из этой каменной статуи вопли и мольбы о смерти. Но – слишком уж хороший материал, жаль портить. Конрад со вздохом опустил руку и сказал:

– Великий Магистр приказал доставить очень важное письмо в Данциг. Письмо поручено отцу Антонию, с ним пойдут пятеро братьев. Ты проведёшь всех тайными ходами. Оно не должно попасть ни к шляхтичам⁴, ни к литовцам, ни к татарам. Если вам будет угрожать плен, следует сжечь письмо и убить посланника. Всё понятно?

– Аве. План туннеля под рекой Ногат я видела в одном свитке, если ход не засыпан...

– Не сомневаюсь, ты его найдёшь, – перебил комтур. Канонада наверху прекратилась. – Ступай, снаряжение возьмишь в малой оружейной, вот ключ. Отправляйтесь сегодня же.

Конрад открыл дверь и мотнул головой Грете, чтоб выходила. Но когда она согнулась перед притолокой, схватил за плечо:

– И ещё. Если ты попытаешься сбежать в городе или письмо попадёт к врагам, или попадёт к ним отец Антонио – на весь твой род ляжет позор. Кнехты пока побудут здесь. Возвращайся.

Грета кивнула и вышла в коридор, освещённый факелами. Она с изумлением глянула на тяжёлый кованый ключ. Её выпустили? Так просто? Совсем это не похоже на старого палача. Явно какой-то подвох.

Глава 2. Высокий Замок

В конце коридора была ещё одна железная дверь, за ней стояли полубратья⁵, они выдали шерстяные чулки, кожаные башмаки и куртку. Поверх Грета накинула белую тунику без рукавов – сюрко, с орденским знаком.

О, тепло, наконец-то! Девушка погладила наверхие своего меча – восьмиугольник, в который вписан чёрный крест. Поднялась по лестнице, вышла из каменных стен и вдохнула дух замка, родной и успокаивающий. Пахло мясной кашей с кухни, глиной, лошадиным навозом, свежим потом от марширующих солдат. Ко всему примешивалась тревожная пороховая вонь, но дым над стенами уже развеялся.

Грета задрала голову к промозглому небу. Эту серую хмарь сейчас не переплюнул бы по красоте ни один рыжий закат, ни один вычурный дворец из облаков. Она свободна. Хруст костей, пыточные шпучки Конрада, всегда блестящие и отполированные, – прощайте!

Вот только найти бы ту рукопись с чертежом, а то ведь комтур может и передумать. Ой, нехорошо он смотрел! Грета прекрасно знала этот любопытный взгляд, который вопрошал: «Хм, интересно, а что там у тебя внутри?»

Она поспешила к Высокому Замку – в его Главной башне хранился нужный документ. Если только рукопись уцелела, в начале осады туда попало ядро и полбиблиотеки выгорело.

От поленицы бесшумно отделилась тень и последовала за бывшей узницей.

Стучали молоты, скрипели мельницы, гудели трубы и визжали пищалки, долетало эхо окликов и команд. Мимо тащили носилки с обломками кирпичей, на следующих лежал раненый брат. Его Грета не знала, как и многих, кто прибыл с началом осады. Беглецы из соседних замков, наёмники со всех концов Священной Империи, жители сожжённого города Мариенбурга – последние силы Ордена, который лучших бойцов положил на поле под Танненбергом.

– Гюнц, Майер! – Грета догнала солдат. – Идите в ногу, растрясёте парня. Где его меч? Оружие по Уставу кладут рядом с воином, или он был трусом?

– О нет, брата Генриха выпустили! – Майер закатил глаза. – А мы уж надеялись, что палки выбьют из тебя занудство.

– И выбили, – захохотал Гюнц, – и пропитались, и теперь каждому перед ударом перечисляют его грехи.

Однако зашагали солдаты в ногу. Они кидали друг другу остроты, словно не умирающего тащили, а мешок репы.

Смерть всегда ходит той же дорогой, что и ты. Протянув белую руку, качает в люльке младенца. Утирает кровавые сопли отроку, роженице взобьёт подушку. А с рыцарем она ездит в одном седле и наигрывает ему на лютне.

Воины Христовы не боятся костлявой. Здесь – пот и грязь, там – сады и птицы. Чего трястись-то?

И войдёте в Царствие Небесное...

Вдруг вспомнился бесконечно высокий зал с полукруглыми нишами. Грета видела его всего четыре дня назад, когда думала, что умерла. И то был не сон, не морок. Тогда – что? Неужели там – совсем не золотые ворота и дивные фрукты?

Она тряхнула головой, прогоняя греховные сомнения. Надо быстрее найти план туннеля, а если не удастся – очень скоро рассмотришь преисподнюю во всех деталях.

Брусчатка приятно колола стопы сквозь подошвы. Обгоняли конники, обдавали брызгами. Грета почувствовала чей-то пристальный взгляд и обернулась.

За ней ехали телеги – одна с песком, другая с дровами, на ристалище рыцари прыгали через коней – судя по хоругви, из третьего эшелона. Ближе к госпиталю наверняка шёл пеший поединок, иначе зачем там сгрудились матросы? Они выкрикивали ставки и советы, которые трудно выполнить. А если кто-нибудь и сможет, то покроет себя вечным позором.

Мимо бежал слуга с ягнёнком на плечах, другой нёс кафтан. Никому не было дела до Греты, но тревожное ощущение не исчезало.

Перед мостом собралась пёстрая очередь, она галдела и возмущалась. Неужели закрыто? Но здесь единственный путь к Главной башне! Комтур сегодня сказал выступать, если его рассердить...

Отодвигая с дороги кнехтов и слуг, Грета пробралась к голове очереди. У гранитных перил гарцевал мощный конь, на нём восседал рыцарь в яркой одежде.

– Вы не смейте держать меня здесь! – возмущался он, размахивая плёткой. – Я знаменит Гильом д'Авен из Фландрии, так и передаст ваш Магистр!

Двое стражей в сюрко с крестами сжимали секиры. Третий, на шлеме которого рычала фигурка льва, отдельно повторял:

– Никого не пускаем. В мост попало ядро. Пока каменщики не закончат, прохода нет.

Кашлянув, Грета приветственно подняла руку:

– Что случилось, брат Кнауф?

Шлем со львом повернулся к ней:

– О, Генрих. Уже на свободе. И сколько палок тебе вlepили?

– Пятсот, – поморщилась Грета, поведя плечом. Рубцы снова заныли.

– Дёшево отделался, за две недели отлучки-то. Тебе в Высокий замок? Проходи.

Грета отсалютовала стражникам и ступила на мост. Вокруг суетилось с десятков каменщиков, люди по цепочке передавали кирпичи.

– Безобраз! Безобраз! – нёсся вслед возмущённый рёв. – Меня задержат, его – нет?!

– Это наш Мастер по доспеху, – терпеливо объяснял брат Кнауф. – Идёт, значит, надо.

– А мне не над? Не над?..

По крайней мере, если кто-то и следил за Гретой, ему не пройти мост.

Вот он, Высокий замок! Сюда женщин вообще не пускают, кроме монахинь из госпиталя. Хотя говорят, что во времена магистра фон Ротенштайна возле рефектария⁶ был бордель. Говорят, стараясь не разжимать зубов, а то ведь у комтура колесо пустым не застоится.

Слева над воротами висела медная табличка, отмечая уровень воды весной позапрошлого года. Тогда река поднялась настолько, что затопила крыши и по печным трубам в залы лились ручьи. Все замковые запасы погибли, до нового урожая было далеко, и над Мариенбургом навис голод.

А когда вода спала, появились лягушки: моря, океаны лягушек. Открываешь дверь – и невозможно пройти по двору, под ногами всё шевелится и квакает. Они были на крышах, на лавках в часовне, в постели Великого Магистра. Просто казнь египетская. Да ещё и есть нечего – коровы, овцы и свиньи пали.

Один брат Поль из Прованса не унывал:

– О, мон шер, изисканный деликатес! – завопил он на всю трапезную, выудив из своей

ячменной похлёбки лягающуюся жабу. – Смотрите, какие мясистые ляпки.

Поль принялся готовить лягушек. Он их вялил, коптил, мариновал. Братья, кривясь, попробовали...

И присоединились к французу, захрустели поджаренными лапками. Скоро в замке не осталось ни одного головастика. Многие так полюбили деликатес, что начали заказывать жаб из Литвы и Мазовии, но вкус у них был уже не тот.

Во дворе чернел колодец, два охраняющих его брата помахали Грете, она лишь мотнула головой – некогда сейчас разговаривать. На крыше колодца стоял бронзовый пеликан.

По преданию, эта птица настолько любила своих детей, что задушила их в объятиях, потом расклевала себе грудь и кровью оживила птенцов. Про колодец Грета могла рассказать десятки легенд, за четыре года наслушалась достаточно, в том числе и такого, от чего уши при воспоминании полыхали.

Возле Главной башни маячила оплывшая фигура в коричневой рясе, сверкала лысая макушка: только не отец Антонио! Сейчас же пристанет с «ободряющим словом», и два часа от него не отцепишься, а дело к вечеру.

Грета спряталась за столб галереи, рассчитывая, что священник уйдёт. Но он топтался на месте. Воровато глянув по сторонам, достал из-под хламиды фляжку и хлебнул. Во фляжке явно плескалось его любимое пальмовое вино.

Возле соседнего столба почудилось движение. Грета метнулась туда... и никого не застала. Она погладила восьмиугольное навершие меча. Стальные грани выверенные, правильные, мастер с такой любовью скруглил углы... Стоп. Что за лишняя тень у той опоры?

Грета пригнулась, прыгнула – и столкнулась нос к носу с отцом Антонио.

– Ох, Генрих! – Тот отпрянул. Потом придвинулся ближе: – Тебя-то я и жду. У меня грустное известие. Пришло письмо из Нюрнберга, сам понимаешь, отдать его я не могу без комтура...

Дряблые щёки, всегда виноватый взгляд. Грета с ужасом вспомнила о полученном приказе. А если действительно придётся убить священника? Святая Дева, не допусти такого! Бернар Клервосский говорил: «Никакое дело, совершённое во имя Ордена, не является грехом». Но всё же...

«Генрих-Белоручка», верное прозвище придумали братья. Грета никогда ещё не наносила смертельного удара, даже в бою добивал Флоренц, оруженосец. Вот и тогда, на стенах Нижнего Замка, она оставила в живых ливонского бородача, а тот сумел одной рукой и зубами взвести арбалет. Болт прошил броню, вошёл в спину. Потом было падение, а дальше такое случилось...

Отец Антонио прошептал на ухо новость и перекрестился. Страшную новость.

Грета застонала. Ноги сразу превратились в две каменные колонны. Она добрела до лестницы, поднялась на открытую площадку Главной Башни с зубцами.

Ветер доносил запахи яблок, горького багульника. Зелёное поле обезобразили полосы от осадных машин. Лес заволокло дымом – поляки жгли костры. Тюремщик говорил, что с запасами у них совсем плохо, всю траву поели. Значит, скоро опять полезут на штурм в голодном рвении. Не выстоять Мариенбургу, если подмогу не позвать. Только как её позовёшь?

За рекой чернел сгоревший город. Внутри у Греты тоже всё как будто выгорело: умер отец, вот о чём писали из Нюрнберга. Зачем тогда пытаться выжить? Служить, притворяться,

добывать славу в битвах – зачем, если отца нет?..

Раньше она бы только порадовалась за Эштеля фон Таупаделя, ведь старый дворянин всегда истово молился, подавал бедным и наверняка должен попасть в рай. Раньше можно было на это надеяться.

Но не после того, как арбалетная стрела прошила спину, не после падения со стены. Грета видела, что там. И ей не понравилось.

Однако комтур ждёт. Где может быть этот план? Она спустилась.

В библиотеку попало ядро, возле пролома мастеровые мешали раствор. Следующие полтора часа пришлось разгребать рукописные книги и сшитки летописей, которые каменщики свалили в одну кучу.

Нет, не найти!

Грета прочихалась от пыли и выудила побуревший свиток. Буквы на нём чернели старые, без модных завитушек, как будто древний монах не писал слова, а вырезал их в граните. Свиток сообщал о заложении замка в устье реки Ногат. Тогда от поганого капища осталось множество чёрных каменных глыб и строители страшно ругались, пока их выковыривали. Камни, которые «на двух подводах не увезёшь», пошли в основание стен.

Дальше свиток рассказывал, что пока стучали лопаты, из леса вышел волхв с медвежьим черепом на голове. Он презрел смерть от христианских копий, явился перед магистром, умолял не трогать священные глыбы. Креститься он отказался, за что и был посажен на кол.

Эх, не то всё!

Вечер близко, комтур потеряет терпение, а тогда...

Палач с железным прутом уже маячил впереди. И тут из-под бумажной горы показался край рукописи со следами крысиных зубов. Грета выдернула его, впиалась глазами в небрежные штрихи на обороте. План туннеля! Ага, вход в Высоком Замке.

А потом достала кремень, кресало – и сожгла документ. Теперь никто не сможет провести отряд, кроме неё.

Глава 3. Весёлые убийцы

Грета вышла из башни, наполнила грудь августовским воздухом. Мокрые камни, солома, молоко – время вечерней дойки, поварята несут на кухню тёплые вёдра. Скрутила кукиш бронзовой сове на крыше, чтобы дорога была удачной. Маленькие летучие мыши пролезали через щели колодца и метались над пеликаном. Арочный коридор вёл в Средний замок, железную решётку ещё не заперли. Надо зайти в арсенал за кольчугой...

Вдруг кто-то зажал ей рот широкой ладонью, затащил в боковой ход. Локти и колени сдавили с такой силой, что не дёрнешься.

– Тс-с, – горячо выдохнули в ухо.

Судя по кожаным наручам с клёпками, это был брат Бриан. Грета перевела дух, насколько можно это сделать с зажатым носом.

– Я иду с тобой и с отцом Антонио, – шепнул Бриан, отпустив. На его шее висела серебряная ладанка, Мария с младенцем – защита от нечисти.

Грета тихо спросила:

– Это ты за мной крался днём?

– Да, от самой темницы. Конрад велел. И ещё мне придётся убить тебя, как только придём в Данциг. Без обид. Кажется, остальные в отряде получили такой же приказ.

– Почему ты мне сказал? – удивилась Грета и взгляделась в смуглое лицо со шрамами от оспы. Густые ресницы, хищный нос, тонкие ноздри. Этот сын сарацинки разваливал напополам татарина вместе с конём, лишь один раз махнув мечом. Если ему приказали убить – значит, так и делает. Хоть лисой обернись, от него не уйдёшь.

– Потому что ты честный воин, Генрих. Конрад вечно прижимает лучший доспех, а ты готов всё отдать, лишь бы никого не обидеть. Помнишь, ты мне нагрудник поменял перед вылазкой? Я так хотел идти, а ты настоял. Мне в том бою свинец из ручной пушки попал в грудь с десяти шагов. И твой нагрудник выдержал, чтоб его черти сгрызли! Я каждую вечерню за тебя молитву читал святому Христофору, все две недели. Но тут уж извини – прикончу.

– Спасибо за предупреждение, брат Бриан.

Грету вытолкнули в проход. Мощная тень скользнула из ниши и исчезла.

Эх, ужинать пошёл. Голод впился в кишки.

Похоже, комтур решил обезопаситься. Вроде бы он хотел оставить своему верному помощнику жизнь? В темнице так показалось. А потом, значит, передумал. Теперь на привале не поспишь.

Она побежала в арсенал. Успеть бы на вечернюю трапезу! В подземелье четыре дня приходилось есть жидкую похлёбку, варёная баранина казалась лакомством. Из кусочка выглядывает белая косточка, поднимается пар, пропитанный пряными травами и молоком...

Грета оборвала себя: тревоугодие. И принялась шептать «Отче наш». Но белая косточка, с мозгом внутри, бесстыдно вылезала между строк.

Тайный ход начинался из подвала Высокого Замка, где раскинулась кухня. Пятьдесят лет назад здешние пекари проковыряли потолок, и на них полился золотой дождь: сверху была орденская сокровищница. Пекари набили мешки монетами и прокопали ход под рекой Ногат, чтобы унести добычу. Но далеко уйти им не дали, поймали в селении Большой Став, потом вернули в замок и сварили в тех же котлах, в которых воришки готовили раньше еду.

Брат Одо любил об этом рассказывать.

На поясе приятно тяжелели ножны. В арсенале Грета собрала мешок, положила шлем, пристегнула кинжал и нашла шесть хороших арбалетов. Но на ужин опоздала, опоздала и к раздаче милостыни.

Все куски, которые не доели братья, полагалось оставлять нищим, и как только звонил колокол к вечерней трапезе, перед Средним Замком собиралось порядочно народу в обносках. Месяц назад запахло осадой, все нищие исчезли, точно вороньё их унесло. Однако место возле ворот быстро заняли искалеченные кнехты.

Теперь в трапезную идти уже бесполезно, корки не сыщешь. Да и позор члену Ордена есть одному. Неужели отправляться в поход голодной?

Путь через кухню, может, там покормят.

Возле левого крыла Высокого Замка стоял кислый запах дрожжей. Если бы только стоял – так он кидался на тебя и заставлял истекать слюной.

Когда Грета спустилась по лестнице, огни в печах уже затушили. Котлы оказались выскоблены, крупы убраны, вдоль столов для замеса теста храпели поварята. Поварятами были косматые крестьяне и бюргеры, многие – с отрубленными пальцами, с ожогами по всему телу. В три часа ночи прогудит медный таз, и эти люди снова поднимутся печь хлеб. По горе тарелок рыжий кот гонял крыс, рядом легавая чавкала телячьей костью, придерживая её лапой.

Грета с завистью покосилась на собаку.

Кнехт-помощник брякнул об пол мешки со снаряжением и ушёл спать. В круглой люстре горело всего две свечи: поварята, как и братья в общей спальне, укладывались при свете.

– О, Генрих! – раздался за спиной бас. – А я тут сижу, заberi меня дьявол, и нет никого.

У полок с припасами стояла скамья, с неё поднялось нечто круглое, тяжело дышащее, с курчавой чёрной бородой.

– Брат Фед⁷, ты? – окликнула Грета, вглядываясь в полутьму. Показались две наливные свёклы в окружении вихря из смоляных кудряшек.

– Знамо, не чёрт. Чего ж ты ужин-то проворонил? Держи.

Пухлые пальцы-колбаски протянули белый свёрток. Это, случайно, не наволочка, нагло стащенная из спальни? Очень похоже. Внутри тряпицы оказались пара хороших ломтей хлеба и несколько кусков варёной говядины.

– Ничего себе, Фед! – воскликнула Грета, проглотив слюну. – Вот спасибо...

Она ещё раз глянула на приставшие к мясу веточки укропа – и завернула наволочку, пробормотав:

– До заутренней по Уставу нельзя.

– Да бог видит, мы почти в дороге! – всполошился Фед, словно гусь на яйцах. – Жуй уже.

Ну конечно! На марше – это совсем другое дело, можно и после вечерней молитвы есть.

Прочитав три раза «Отче наш», Грета вгрызлась в мякушку.

Мм, наконец-то еда!

Бочка с водой стояла тут же; отхлебнув полковника, Грета почувствовала, как от верха живота по всему телу разбегаются искры. Теперь бы завалиться поспать...

Хлеб лучше есть поосторожней: в прошлый раз попался молочный зуб, а весной Поль выудил из лепёшки наконечник стрелы. Волокнистое мясо восхитительно пахло бульоном, но вот-вот наступит пятница, пост. Фед поуготоваривал для порядка – и сам расправился с говядиной. Потом выпятил назидательно губы:

– На пустое нутро плохо в бой идти. И спривидениями встречаться, к коим мы скоро полезем. Ты вот грамотей, Генрих, а не знаешь, что под замком духов злых – как семян в подсолнечнике. Зачем ты комтуру сказал нас туда гнать?

– Какие ещё духи, – махнула рукой Грета. – Черти от креста бегут.

– Да? Вот фон Шеллок тоже так думал. Он без слуг ехал в крепость Рагнету и решил сократить путь по жмудскому болоту. Вечерело, туман поднимался. И тут смотрит – ползёт что-то, лапки паучьи, само зелёное, круглое, тина висит. Пригляделся: святые угодники! Голова утопленника. А из тумана ещё такая же тварь бежит, да ещё, да быстрее всё, быстрее! Окружили они рыцаря, как волчья стая, да и утащили к себе. Один конь вернулся.

– Конь-то всё и рассказал, – хмыкнула Грета. – Боишься?

В ответ Фед вскочил, опрокинув лавку, и показал жестами, насколько он боится и кого именно. Причём использовал не только кулаки и колени, а вообще все части тела.

Сверху раздались гнусные смешки. В дверь просунулась белобрысая башка коротышки Одо и захихикала:

– Эй, Фед, отплясываешь лучше жмудского шамана! Уж не обратился ли ты в язычество?

Созревший прыщ у него на носу был чем-то вроде фамильного герба. Прыщ гулял по лицу, вспухал то на левой ноздре, то на правой, то захватывал бровь, то скатывался к подбородку. В тёмной комнате белая головка всегда вещала: «Вот хозяин, здесь». Хозяин же ласково называл его «мой личный герольд».

На улице послышалось: «Гуситав, стой! Одо, держи его!»

Одо даже не собирался держать, а шмыгнул к перилам, пропуская тело. Оно с лязгом запрыгало по лестнице, покладисто пересчитало все ступеньки, не пропустив ни одной, после чего простёрлось у ног Феда. Который тут же вздёрнул тело за шкурку. От рёва толстяка даже спящие поварята заворочались:

– Брат Густав? Ты что, из пивоварни?!

Тело утвердительно замычало.

– Идиот, чего до такого-то блаженства доводить? Нам на задание идти. Тебя комтур, если узнает, на куски порежет и страждущим раздаст!

– Уи, мы нашли его непотидалёку от пивоварини, – сообщил Поль из Прованса, враскоряку ступая по лестнице. Кривые ноги он загибал носками врозь, изображая небрежность. Усики его закручивались вверх, на боку француза болтался короткий меч, а на груди, под сюрко с крестом, что-то подозрительно лязгало.

Ведь всем же сказано – не брать тяжёлую броню! Или кнехт не передал?

Грета попыталась напомнить братьям Устав, который запрещал вкушать адское зелье. Также он запрещал ругаться, предаваться похоти, чем-либо владеть, говорить или петь после повечерия, есть сало по пятницам. В ответ Одо выдал такую сложную конструкцию, что рядом с ней кафедральный собор в Кёльне казался палаткой. Густав громко всхрипнул.

Грета вздохнула – и решила отложить проповедь.

Последними пришли отец Антонио и брат Бриан, который шутя покачивал в ладони тяжеленный кожаный мешок. Мешок распух от сухарей и фляг с водой. На животе брата блистала обнова: сполохи огня плясали в квадратных медных пластинках.

– Рыцарский пояс? – не поверила Грета. – Тебе дали золотые шпоры? И ты молчишь?!

Тот застенчиво улыбнулся, поправил кольчужную рубаху.

Между ними вклинился брат Одо, задрал голову и прищурился, словно курица на фигу:

– Глянь, Генрих, какая у нашего тёпленького рыцаря рожа довольная, столько масла –

хоть пироги жарь. Ты пока по дорожным кабакам шатался да под стенами лазил, он тут подвиги совершал.

– Дорожные кабаки? – рассмеялась Грета. – С чего ты решил?

– Народ говорит. Где тебя носило-то две недели? Небось, все ходы тайные знаешь, а братьям показать – шиш, черно книжник эдакий.

– Одо, люди читают необязательно для того, чтобы вызывать демонов.

– Ха! А зачем тогда губами шлёпать и свечи жечь? Забавы ради?

Не обращая внимания на коротышку, Грета с изумлением разглядывала Бриана: у него и раньше были такие мощные руки и необъятная грудь и? Или это рыцарское звание? А карие глаза прежние, большие и влажные, словно у отцовского борзого пса, когда скулит под столом и кладёт слюнявую морду на колени... Наконец, спросила:

– Расскажешь, за что тебя посветили?

Но шансов открыть рот Бриану не представилось. Одо понёсся, как турецкая конница перед тяжёлым латником, не давая и слова вклинить:

– Да, слушай, ту вылазку же устроили, когда ты уже исчез! Знаешь, он самого великого маршала спас. Мы с Гансом крушили литвинов – ну, жмудь поганая, в звериных шкурах, а злые, что бесы. Прямо на клинки лезут, ты его сечёшь, а он вроде не чувствует, рогатиной тычет. Тут вылетает справа клин шляхтичей, отборные все, заразы, даже кони в броне. И прорвали они наших. Хоругвь за полминуты расшвыряли, копьями уже до великого маршала дотягиваются, «Сдавайся!» – кричат.

– Ты рядом ошивался? – Грета прищурилась. – А что же сам за начальство не встал?

– Я тебе висельник или святой? – огрызнулся Одо. – У шляхтича у каждого плечи шире, чем я ростом, латы миланские, секиры молотят, как пест в маслобойке. Великий маршал уже и ладони начал поднимать, да тут Бриан с двуручником прорубился. Как звезданёт ихнего главного, который с хвостом страуса на шлеме, под копьё нырнул, второго за пояс – и на землю. А конь брата, Скалик, так и прёт, копыта острые, лосиные, зубы медвежьи – знаешь его, бешеный. От шляхетских лошадок полетели клоки, они и шарахнулись прочь. Бриан лезет на них вепрем, ревет чего-то, раскидывает шляхтичей. Тут остальные наши налегли, брешь закрыли, да и отступили мы с божьей помощью к замку.

Одо повёл носом, схватил с ближайшей полки бутылку, отхлебнул – и поперхнулся:

– Тьфу, укус! Герман Ганс в тот же вечер Бриана по плечам мечом стучал и всё приговаривал: «Славно врагов когтил! Кречет, истинный кречет!» Небось, загордишься теперь, на нас, сержантов, поплёвывать будешь?

Бриан во время рассказа стыдливо морщился, теребил свою ладанку. Услышав подколку, он пихнул Одо в бок и отвернулся.

Надо же – в девятнадцать лет стал рыцарем. Крупные губы, пушок вместо бороды.

И он должен убить «брата Генриха». Убьёт? Конечно, ведь таков приказ. Потом, может, всплакнёт, помолится – да забудет.

У Греты закололо в боку, будто холодная сталь уже входила между рёбер. Бриан не только силён, он быстрее волка, не увернёшься, не отобьёшь.

Надо, чтобы Конрад отменил приказ. Но как заставишь старого палача сжалиться?

Глава 4. Перед очами Великого Магистра

Грета вызвала в памяти свиток с планом туннеля. Комнатка, в которой должна быть потайная дверь, располагалась в дальней части кухни, за полкой с крупами. Сводчатый потолок здесь нависал настолько низко, что Бриан то и дело прикладывался лбом и ойкал, коротышка Одо переводил это ойканье на «человеческий» язык. От его стараний в кувшинах скисало молоко, а отец Антонио крестился.

Толстяк Фед спорил с Полем из Прованса, что лучше: улитки или сало. Поль лез в драку за улиток.

Грета заставила братьев снять сюрко и надеть монашеские рясы, подпоясанные верёвками. Когда поляки заметят слугителей бога, они не начнут стрелять сразу. Наверное. И процессия успеет подойти к врагу поближе для рукопашной.

Рыцарь Ордена не должен показываться без своего плаща, однако Конрад оценил идею Греты. Кнехт принёс его слова: Магистр дозволил маскарад.

Поль не пожелал оставлять свою любимую бригантину – куртку, на которую нашиты латные бляхи, – и натянул рубище поверх неё.

– Зачем? – Грета встала перед французом. – Для нас главное – скрытность, а у тебя пластины топорщатся сквозь ткань. И тяжело. Пешком до Данцига долго идти, отстанешь. Или прихватишь орду оруженосцев и пажей?

– Не бойся, бригантина у меня волшеббиный, сам себя несёт.

– Ага, волшебная, как пояс Афродиты, – заверил Одо. – С ней ты не такой глист, так что все городские девки твои, и мысли об этом несут тебя над землёй. Ещё нацепи гульфик⁸ побольше, авось тогда и меня на горбу потащишь.

– Брат Одо, какие девки! – Грета в ужасе отшатнулась. – Вспомни о нашей Клятве и прекрати болтать, до утренней молитвы молоть языком – грех.

На улицах священного Рима растут шишки размером с ведро. Если такую заколотить в рот Одо, поток скабрёзностей остановится – но на пару минут, не больше. Командир хоругви не раз советовал Одо взять меч языком, тогда точно ни одного шляхтича не останется у стен Мариенбурга.

У всех под рясами скрывались кольчужные рубахи и мечи, в дорожных мешках – шлемы и арбалеты. Бриан пристегнул за спину короткое копьё. Если наткнутся на вражеский дозор, отбиться можно.

Но нет, страшны не шляхтичи и не татары.

Одо смаковал байки об упырях, а Поль вспомнил, что старый литейщик рассказывал о духах литвинов. Магистр фон Валлеронд, когда кончался, приказал резать всех пленников в подземелье, и некрещёные души с тех пор бродят под башнями, светят синими глазами. Увидишь синий огонёк во тьме – беги и не оглядывайся! Не забудь только след свой толчёной купавницей посыпать. Чтоб не догнали.

Купавницу никто не взял, отчего настроение неумолимо портилось.

Грета некстати помянула бурый свиток. Лица стали морковного цвета⁹.

– А если, – сорвался на тоненькое бляение бас Феда, – языческие боги притаились там, глубоко, и только ждут, чтобы к ним кто-нибудь спустился? Отомстить хотят?

Свечи еле тлели, тьма колыхалась. Боевой дух отряда заполз под стол и тихонечко подвывал.

Вошёл комтур, потирая ладони и мурлыкая: «Тантарадай, тантарадай». Он подозрительно глянул на жмущуюся в углу троицу:

– Брат Фед, брат Бриан! Почему вы стоите так близко к брату Густаву?

– Да здесь же очень тесно, мой комтур, – повёл плечами Бриан и пару раз толкнул стену, показывая, что ему тут просто негде развернуться.

«Так, – подумала Грета, – Густав выбыл, сейчас комтур отправит его кормить ворон или под палки. Одним меньше. Кажется, братья получили приказ убить Генриха?»

Одо не посмеет напасть в открытую. А прирезать исподтишка? Да запросто. Он гроссмейстер подлого удара, не упустит случая пнуть лежащего, – но лишь когда убедится, что тот без головы. Собираешься сражаться с коротышкой – надень гульфик.

Поль. Яростный фехтовальщик, как и многие французы. Однако Грета два года зарабатывала от него синяки на тренировках и все хитрые прованские приёмчики уже выучила. Последние пару раз победа оставалась за ней. Можно выстоять.

Если пройдоха не припрятал обоих джокеров в рукаве.

Фед не особо ловкий. Главное, не дать ему припереть тебя к стенке, а то навалится – не дёрнешься. Где же слабина?.. Он из разорённого герцогского рода, мечтает выдать младшую сестру за барона. Как-то ходил на жмудь, и к нему попал янтарный божок с глазами из рубинов, так нет чтоб сдать казначею – утаил.

Пожалуй, от Феда можно откупиться. Отец и половины своих деревень не пожалеет ради Греты. Ах, отец...

Доведётся ли теперь встретиться? Есть ли он на самом деле, обещанный рай?

Рукоять просилась в ладонь. Восемь граней, когда меч при тебе – ничего не страшно. Так, собратья, думать о деле.

Бриан. Бриан!

Зубр, громада мышц, которая сносит дубовый частокол. На зимней охоте такой бык одним движением курчавого лба разодрал загонщика от пупа до подбородка, двоих затоптал копытами. Ни арбалетные болты, ни дротики не замечал, пёр и пёр на стрелков, пока секирами не перерубили ему шею.

Но зубр – степенный, неповоротливый. Бриан не такой: он словно демон, бесшумно окажется у тебя за спиной, стоит моргнуть.

Нет, с Брианом не совладать. Он и откупа не возьмёт, приказ же.

– А почему, – принялся комтур, – здесь слышится запах вина? Ну-ка разойтись!

Братья шагнули в стороны. Бедняга Густав чуть не упал. Он пошатнулся – и повис на дружеской руке. Его голова в капюшоне завалилась набок, с присвистом всхрапнув.

Взбешённый комтур издал звук, услышав который, хозяйка сразу же хватается поварёшку и кидается спасать кашу. И не миновать бы брату Густаву палок, но тут в дверь вошли двое солдат, стали по краям прохода. Это были личные слуги мейстера, в идеально белых плащах, лишённые языков.

Комтур мигом загородил выпивоху: если узнается, палок не миновать уже брату Конраду.

За слугами протиснулся сам Великий Магистр¹⁰. Крылья мясистого носа подрагивали – похоже, что-то учуял. На груди главы Ордена, в середине креста, чёрный орёл занёс когти.

– Воины Христовы, – возвестил он. – Сегодня на вас возлагается дело, от которого зависит исход осады. Нет, от него зависит судьба всего Братства, судьба нашей веры в этих языческих землях... Хаускомтур, не вином ли здесь пахнет?

– А-а-а, это всё повара. Зайца мариновали к столу...

– Зайца? – Чёрная бровь поползла вверх. – Брат Конрад, мы месяц сидим за стенами, как утка в решете, где вы достали зайца?!

– Ну-у, он сам перепрыгнул... то есть подрыл...

– Завтра... нет, в субботу – чтобы мне подали этого зайца. С черносливом.

– Конечно, мой мейстер! – радостно пообещал Конрад.

Теперь ему придётся где-то добыть ушастого: Магистр был злопамятен, как десять свиней.

– Какова длина туннеля?

Глава Ордена посмотрел прямо на Грету. Похоже, ему всё известно. Уж не он ли заставил комтура передумать насчёт её помилования?

– Меньше двух миль, – отвечала Грета. – Если Пресвятая Дева поможет, отряд затемно вылезет под Большим Ставом, а к вечеру завтрашнего дня будет в Данциге. На башне замка зажгут огни – сообщат комтуру об успехе.

Она замерла перед властными очами. Генрих фон Плауэн не хуже палача умел разбирать людей, только делал это без крючьев и лезвий. Низенький, с кустистыми усами и опухшими веками, не сравнить с предыдущим магистром, широкоплечим богатырём. Тот на поле один стоил целой хоругви, но допустил разгром при Танненберге. Именно нынешнему хозяину Мариенбурга пришлось собирать рассеянные силы, уговаривать союзников, строить оборону замка.

Фон Плауэн был хитрее хорька и умудрялся присутствовать сразу везде. Ползли слухи, что в его покоях есть система ходов, по которым он мгновенно проникает хоть в спальни братьев, хоть в костёл, хоть на конюшни. Однако Грета знала – ход только один, жутко пыльный, и ведёт в комнату совещаний. Вряд ли им пользовались.

Никто не мог переиграть Грету в гляделки. Не смог и фон Плауэн. Он отвёл взгляд, начал прощупывать остальных – и понял, что боевой дух братьев лежит в луже да пускает пузыри. Поэтому вскричал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/51g>

notes

Вооруженный простолудин, ополченец.

Устав Тевтонского ордена не предусматривал иных условий при приеме, кроме минимального возраста кандидата, четырнадцать лет, и способности его, не покрывив душой, пять раз ответить «нет» на вопросы: не являешься ли ты членом другого ордена? Не женат ли ты? Нет ли у тебя скрытых физических недостатков? Не должник ли ты? Не крепостной ли ты? И пять раз «да»: готов ли ты сражаться в Палестине? Готов ли ты сражаться в других странах? Готов ли ты заботиться о недужных? Готов ли ты по приказу выполнять то, что умеешь? Готов ли ты соблюдать Устав Ордена? В случае удовлетворительных ответов вступающий в братство приносил клятву-обет: «Я, такой-то, приношу обет и обещаю блюсти невинность, отказаться от собственности, быть послушным Богу и благой Деве Марии и тебе, брат такой-то, магистр Тевтонского ордена, до самой смерти».

Первый религиозно-военный орден, основанный в Иерусалиме для заботы о больных и раненых пилигримах. Его монахи прославились храбростью и нестяжательством.

Польские рыцари.

Ещё не посвящённые в братья воины Тевтонского ордена. Носили на груди неполный крест, «куриную ножку».

Трапезная

Фед вовсе не был толстый, как свинья. Потому что свиньи сейчас – тощие, хитрые и очень злопамятные. Чтобы получить живот Феда, вам придётся сложить их вместе штук десять. Правда, они вам это припомнят.

Деталь одежды, призванная защитить самое дорогое. Мастера из Толедо выполняют его очень натуралистично, а то и с мифическими преувеличениями.

Имеется в виду обычная сейчас морковь, бледно-зелёная, с палец толщиной и на вкус не слаще редьки.

Строго говоря, Генрих фон Плауэн не стал ещё настоящим, избранным главой Ордена – какие выборы при осаде? В бумагах значилось «м.б.» – местоблюститель. Как многие тихонько шутили, «может быть» Магистр. Только кто ж такое вслух-то произносит?